

Чжао Чэнь оторопел, не понимая, отчего его собеседники так всполошились.

— Да что не так с этим западным склоном в Деревне Девяти Семей?

Цзян Ехун жестом пригласил его присесть.

— Садись и рассказывай всё по порядку. Нас интересует то дело на западном склоне.

— А, так вы об этом... — Чжао Чэнь облегчённо выдохнул. — Я-то думал, бог весть что случилось. Обычный пожар. Десять лет назад, в середине девятого месяца, несколько ночей кряду гремели «сухие грозы», да и жара стояла невыносимая. На том западном склоне жила семья, которая кормилась продажей сосновой смолы. В доме скопились огромные запасы, и вот однажды ночью молния ударила прямо во двор. Смола вспыхнула мгновенно. Никто из дома выбраться не успел... Страшная смерть, в общем.

— Если они торговали смолой, зачем было селиться на горе? — спросил Цзян Ехун.

— Так десять лет назад на западном склоне сосен было — не сосчитать. Удобно: там же собирали, там же, поговаривают, прямо во дворе по бочкам и разливали.

Цзян Ехун и впрямь видел на склоне немало сосен, но не думал, что они были для местных золотой жилой.

— Помнишь, как звали главу того семейства?

Чжао Чэнь отпил воды, припоминая:

— Говорили, они из Линнаня приехали. Купец по имени Гао Цзылинь. У него было три дочери — по слухам, красавицы неописуемые, настоящие небожительницы. Сам я их, правда, не видел. Кстати, с этим делом связана одна странность: за десять дней до пожара все три девицы бесследно исчезли. Ни живых не нашли, ни тел не опознали. А потом, во время сильного тумана, жители деревни якобы видели, как в небе парят три феи. С тех пор и пошли толки, что дочери Гао Цзылиня вознеслись на небеса.

Жун Жо тут же вспомнил про загадочный свиток.

— Брат Чжао, вы сказали — сельчане видели их в небе? Не оттуда ли взяла начало картина «Летящие небожительницы»?

— А ведь и верно, — подтвердил Чжао Чэнь. — Го Цзыкуан в тот год тоже был в Деревне Девяти Семей и всё видел собственными глазами. Было это... девятого числа девятого месяца, точно. Позже он запечатлел это на холсте. После этого все окончательно уверились в

божественном вознесении сестёр. Один только Гао Цзылинь не верил: кричал на каждом углу, что это деревенские его дочек сгубили. Мой наставник тогда со своими людьми всю деревню вверх дном перевернул, но девиц не нашёл. Я-то в эти сказки про полёты не верю, но раз ни живых, ни мёртвых не обнаружили, дело так и осталось висеть. А когда дом Гао сгорел, расследование и вовсе свернули. Наставник до самой смерти себе места не находил. Коронер тогда твердил, что Гао погибли в огне, а старик спорил до хрипоты — мол, при осмотре тел заметил, что их убили ещё до пожара. Из-за этого он с тогдашним градоначальником в пух и прах разругался.

— Похоже, в том деле скрыто немало тайн, — задумчиво произнёс Жун Жо.

— Я бы и сам рад исполнить последнюю волю наставника, — вздохнул Чжао Чэнь, — да только ума у меня не палата, а дело старое. Как ни пытался пересмотреть — силёнок не хватило.

Жун Жо ободряюще улыбнулся:

— Брат Чжао, дорогу осилит идущий. Не вешайте нос. Кто знает, быть может, сейчас нам удастся распутать этот клубок вместе с новыми преступлениями. Господин Чу — первый ловец столицы, если эти дела связаны, он непременно докопается до истины.

Услышав это, Цзян Ехун почувствовал, как у него голова идёт кругом. В его распоряжении была сила, а не книжная мудрость, и разгадывать загадки он привык кулаками, а не дедукцией. Но деваться было некуда.

— Кхм... Если это «дело в деле», то правда рано или поздно всплывёт. Лао Чжао, принеси-ка все старые свитки и записи для Жун Жо. Я тут, видишь, занемог, простуда разум затуманила... Пусть он посмотрит. Всё-таки он сын той самой первой женщины-коронера, в розыском деле толк знает.

Чжао Чэнь так и просиял. Старая вина перед наставником тяжким грузом лежала у него на сердце, и если Жун Жо мог помочь, он был готов хоть в ноги ему поклониться.

— Свитки у меня, и личные заметки наставника тоже при себе. Ждите, я мигом!

Жун Жо с некоторым беспокойством посмотрел на Цзян Ехуна:

— Брат Чу, вы поручаете мне такое важное дело...

Цзян Ехун потёр лоб, прикидываясь едва живым:

— Да не поручаю я, а прошу помощи. Видишь же, болен я, соображаю туго.

На самом деле он понимал: если дело дойдёт до кропотливого копания в деталях, он просто уснёт на второй странице.

Жун Жо углубился в чтение. Официальные бумаги десятилетней давности не содержали ничего подозрительного, но дневник наставника Чжао Чэня заставил его вздрогнуть — подробностей там было куда больше, чем в официальных отчётах.

— Три дочери семьи Гао были необычайно хороши собой, и из-за этого их постоянно преследовали трое деревенских мужчин. Вот их имена: Ли Фугуй, Лу Чан и Лю Юань.

Цзян Ехун, до этого вяло лежавший на столе, резко выпрямился.

— Что? Опять эта троица? Они донимали дочерей Гао?

Жун Жо хотел было передать ему тетрадь, но Цзян Ехун замахал руками: и не надейся, мол, читать не буду.

— Ты мне просто перескажи, в глаза колоть не будет.

— Судя по записям, наставник Чжао Чэня провёл колоссальную работу, — начал Жун Жо. — О Ли Фугуе он отзывался как о богате, ослеплённом собственным высокомерием. Лу Чана описывал как человека самовлюблённого и крайне мстительного. О Лю Юане же сказано — «лицом добр, да сердцем лют». Вся деревня могла подтвердить: эти трое проходу девицам не давали. Стоило тем спуститься с горы, как троица тут как тут. Гао Цзылинь из-за этого не раз ходил жаловаться к старосте. В день исчезновения дочерей, девятого сентября, их видели в деревне — они снова о чём-то яростно спорили с Ли Фугуем и его друзьями. После этого девушки пропали. Гао Цзылинь обивал пороги их домов, староста даже обыск устроил, но ничего не нашли.

Цзян Ехун презрительно хмыкнул:

— Ли Фугуй и его компания никогда святошами не были. Особенно этот Лу Чан — делец беспринципный. Да и про Лю Юаня слухи ходят недобрые, говорят, бабник тот ещё.

Жун Жо перелистнул страницу.

— В день исчезновения у Ли Фугуя и остальных было железное алиби. Они весь день удили рыбу на речке вместе с неким Мочжу-кэ.

— Тот самый Мочжу-кэ, что погиб так же, как и они? Может, он тогда лжесвидетельствовал?

— Трудно сказать. Алиби-то было, но один старик из деревни божился, что видел, как слуги Ли

Фугуя шли по пятам за девушками, когда те покидали селение. Но старик был подслеповат, так что его слова в расчёт не взяли.

Цзян Ехун с силой грохнул кулаком по столу.

— Хватит бумагу марать! Пойдём-ка навестим вдов этой троицы. Сиднем сидеть — только тоску нагонять, на месте разберёмся.

Жун Жо закрыл тетрадь, и из неё выпал листок. Он поднял его и на мгновение замер. Цзян Ехун заглянул через плечо:

— Что это за цветок?

— Похоже на семейный герб Гао Цзылиня, — ответил Жун Жо, изучая рисунок. — Фиолетовый ирис.

— Ишь ты, с гербом... — хмыкнул Цзян Ехун. — Значит, и впрямь из непростых были.

Жун Жо шёл к дому Ли Фугуя с тяжёлым сердцем. Он помнил, как в день смерти мужа госпожа Ли, Лян Юй, осыпала его проклятиями и едва не полезла в драку. Стоило им переступить порог, как Лян Юй снова взвизгнула: «Лиса-оборотень!»

Жун Жо поспешно спрятался за широкую спину Цзян Ехуна. Тот сделал шаг вперёд, преграждая путь разгневанной женщине.

— Госпожа Ли, смерть вашего супруга никак не связана с Жун Жо. Успокойтесь и послушайте меня.

Лян Юй всё ещё кипела от злости, но кричать перестала. Цзян Ехун принялся мерить комнату шагами.

— Настоящая причина смерти вашего мужа — яд. Так что оставьте свои нападки.

Лян Юй вытерла слёзы платком. Вслух она больше не ругалась, но во взгляде, брошенном на Жун Жо, всё ещё читалось «соблазнитель».

— Госпожа Ли, — продолжил Цзян Ехун, — ваш муж был родом из Деревни Девяти Семей. Что вам известно об их поминальных обычаях?

Лян Юй была женщиной в годах, изрядно раздавшейся вширь, но кожа её оставалась белой и нежной — видать, в молодости она была первой красавицей.

— Я там сроду не бывала. Слышала только, что законов у них — что в императорском дворце.

— О каких законах речь?

— Да дикость одна! — фыркнула Лян Юй, и в её голосе прорезалась давняя обида. — У них заведено: если невестка или зять не из местных, то на поминках предков они должны на коленях ползти от самого въезда в деревню до родового храма. Мол, только так уважение выкажешь. С какой стати? Я только перед родителями на колени падала, а их покойники мне никто. Вот и не ездила никогда. Ли Фугуя из-за этого в деревне вечно шпыняли, мол, жена у него нечестивая.

Обычаи везде разные, но этот и впрямь отдавал безумием.

— А про картину «Летящие небожительницы» вы слышали? — спросил Цзян Ехун.

Лян Юй принялась накручивать край платка на палец.

— Старик Ли, как видел её, сразу в лице менялся. Не думайте, я про его грешки молодости знала. Загорелся он когда-то девчонкой с западного склона, так её отец его поганой метлой со двора гнал. На той картине как раз те дочки и нарисованы. Видно, картина ему о позоре напоминала, вот он и бесился. Мужчины — они ведь за своё лицо пуще жизни дрожат.

Больше Лян Юй ничего не знала. Цзян Ехун увёл Жун Жо и направился к дому Лу Чана.

Вдова Лу оказалась совсем молодой. Говорили, что первая жена Лу Чана давно скончалась, а нынешняя госпожа, Янь Юй, была взята им из весёлого дома.

— Да, есть в Деревне Девяти Семей такой обычай... — тихо проговорила она. В её глазах застыла печаль, а в каждом движении чувствовалась затаённая обида. — Но я — лишь вторая жена, да ещё и из падших... Мне в ту деревню и входить-то не велено.

Цзян Ехун только головой покачал. Что за порядки?

— Это ещё почему?

Янь Юй горько усмехнулась:

— По их правилам, только первая жена из благородного рода имеет право переступить порог

храма. Нам, грешницам да вторым жёнам, там не место.

— Что за предки у них такие, что на людей как на собак смотрят? — не сдержался Цзян Ехун.
— Небось, мнят себя потомками императоров?

— Я и не спрашивала никогда, — вздохнула Янь Юй. — Мне же лучше: дороги туда тяжёлые, ноги бить не надо.

Жун Жо подал голос:

— Госпожа Лу, а вы о картине «Летящие небожительницы» слышали?

Она безучастно кивнула:

— Слышала. Лу Чан недавно её выкупил. Сказал, это ранняя работа придворного мастера Го Цзыкуана, и цена на неё скоро взлетит до небес. Хотел перепродать подороже.

— А правда ли, что вы сами ходили в ямэнь, чтобы забрать холст и передать его Лю Юаню?

— Правда, — Янь Юй снова устало кивнула. — Лю Юань был лучшим другом моего мужа. Просил взглянуть на картину, а Лу Чан был ему по гроб жизни обязан. Я не могла отказать.

— Обязан?

— Несколько лет назад дела у мужа пошли из рук вон плохо. Чуть лавки не лишился, пришлось бы всё закладывать. Лю Юань тогда вовремя помог деньгами, выручил из беды.

Цзян Ехун нахмурился. Ли Фугуй считался богатейшим человеком столицы. Казалось бы, Лу Чан должен был просить помощи у него, но обратился к Лю Юаню. Вспоминая странное поведение Лу Чана при упоминании Ли Фугуя, Цзян Ехун всё яснее видел — в этой «дружбе» не всё было гладко.

<http://bllate.org/book/17428/1657247>